

ОЛЕГ
НЕСТЕРЕНКО

ОЛЕГ
НЕСТЕРЕНКО

РЫЦАРЬ
И
ВЕДЬМА

МОСКВА
2020

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Н56

Нестеренко, Олег Владимирович.
Н56 Рыцарь и ведьма / Олег Нестеренко. — Москва : Эксмо, 2020. — 608 с.

ISBN 978-5-04-115502-5

Как не потерять себя в мире, зараженном магией? Кто сражается с чудовищами, тот рискует сам стать чудовищем. Сколько рыцарей пало жертвами «драконьего кайфа»! И сколько драконов подсади на иглу человеческих страстей...

Рыцарь Джудфри Эрикдейл Леннокс выжил в череде магических инцидентов, но заплатил своим предназначением. В жизни Софии Верны, наоборот, не было ничего сверхъестественного, пока в свой двадцать четвертый день рождения девушка не узнала, что магия у нее в крови.

Когда в провинции Анерленго начинают умирать первые красавицы королевства, полурыцарь и неведьма должны выбрать: раз и навсегда отречься от своей судьбы или отправиться на ту сторону магии, зная, что прежними они не вернуться. Если вернуться вообще.

Быть или не быть? Быть человеком или не быть? И что это значит — быть человеком? Времени на поиск ответов все меньше, ведь секта «Бичующих дьявола» вплотную подошла к тому, чтобы преобразовать саму человеческую природу.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Нестеренко О.В., 2020

© Оформление.

ISBN 978-5-04-115502-5

ООО «Издательство «Эксмо», 2020

*Посвящается
моим родителям*

I. Мечтают ли драконы?

Телефон — вот что так настойчиво требует меня к жизни, продираясь ко мне через кофейную гущу сна. Я высвобождаюсь из перекрученных простыней. На пути к телефону натываюсь взглядом на часы. Проклятие. Короткая стрелка уже подбирается к семерке. А ведь я заводил будильник на полшестого. Что ж, по крайней мере, ясно, кто и зачем звонит. Ну и что мне ответить? Прежде чем успеваю поднять трубку, аппарат смолкает.

Я спал полуодетым. Язык противно липнет к пересохшему нёбу, хотя голова не ноет. На тумбочке — остатки вчерашней выпивки. Пил один. За упокой несчастного существа, которое мы с моими братьями сегодня уничтожим. Все-таки мученическая смерть. Пускай отец Ансальдо и объяснил мне в выражениях отнюдь не кротких, что драконьего рая быть не может.

Справляю нужду, чищу зубы — очень быстро, даже не доставая до зубов мудрости. Холодной водой умываю лицо и шею. Подбираю одежду там, где бросил ее вчера. Торопливо и не с первой попытки обувшись,

выметаюсь из квартиры. Пролетев два лестничных марша, понимаю, что забыл дома свой меч, именуемый Аргументом. Может, забыл, а может, не так уж хотел брать его с собой. Возвращаюсь, подхватываю клинок, запираю за собой, успеваю услышать, как за дверью снова ожил телефон.

На улице пахнет мокрым асфальтом после проехавшей поливалки. А вон и фургон. На боку надпись «*Vivimus, ut vincāmus*», девиз нашего ордена, и эмблема: мангуст, терзающий змею. Мангуст или не мангуст, но в общем та зверюга, про которую в «Бестиарии Апокалипсиса» написано, что это природный змеборец, а значит, существо богоугодное, тогда как аспид, наоборот, есть диавол и Сатана.

Подняв воротник, чтобы укрыть плохо вытертую шею, перебегаю дорогу. У входа в парк уже открылся газетный киоск. Сонный продавец машет мне рукой. Узнал меня; узнаёт с тех пор, как мое лицо появилось на обложке августовской «Квинтэссенции». В том же выпуске напечатали интервью с Конрадом Вольцем: он тоже рыцарь, и даже почище меня. Принял аскезу — буквально, по всем правилам: с ношением вериг, с толчеными кореньями на завтрак. С девками завязал. А газетчики про это написали так: «Конрад Вольц: правильная диета заменяет секс». Ну что за люди! Как они придумывают эту глянцевую бла-бла-блажь? Да и мы не лучше. Раньше брали плату за голову убитого чудовища, а нынче орден торгует открытками с нашими автографами. И ведь это чуть ли не выгоднее! Может, со временем и вовсе перестанем убивать. Вообще-то было бы здорово.

Подхожу к машине. Аргуж мрачно кивает сквозь поднятое стекло, я тоже ему киваю и забираюсь в фургон через задние двери.

— Аргуж, мне прямо-таки неловко... — совершаю свое скупое покаяние.

— Все нормально, — не оборачиваясь, отвечает мой оруженосец и протягивает мне термос.

Я приоткрываю крышку, и в этот момент машина резко трогается. Чуть не облился! Вот тебе и нормально.

— Я стучал, но никто не открыл, — бросает Аргуж, не отрывая взгляда от дороги. — Думал, вы не дома... Уже хотел было ехать в Янтарный квартал... — Он не решается закончить фразу, перехватив мой взгляд в зеркале заднего вида. Меняет тему: — Магистр звонил. Много раз. Волновался, не случилось ли что.

Я хмыкаю. Исповедоваться не собираюсь. Да и было бы перед кем. Пусть только попробует еще раз упомянуть Янтарный квартал... Однако это нехорошо. Похоже, за моей спиной начинают болтать.

Я наливаю в крышку дымящийся напиток и делаю пару осторожных глотков. Мм... Крепкий, горький, с гвоздичной ноткой. Я бы польстил мальчишке насчет его таланта к приготовлению кофе: мол, не думал ли он открыть свое заведение? Да только это вряд ли его повеселит: Аргуж и сам, наверное, помышляет уже о другой работе. В ордене-то он карьеру не делает. По крайней мере, пока приставлен ко мне.

В этот момент мы выезжаем на Буковую улицу, где днем бывают адские пробки. От кофейного кипятка у меня начинает прыгать сердце, но и без этого мною постепенно овладевает лихорадочное возбуждение. В горле образуется сгусток, и я не могу без тошноты допить крышку, поэтому остатки выплескиваю под сиденье — все равно машину потом отмывать от

чьей-нибудь крови, это уж всегда. Впрочем, перед акцией лучше много и не пить.

Дорожная развязка выводит нас на шоссе. Я расчехляю свои новенькие доспехи с фирменным клеймом Бродбина и Капелло. Обоих модельеров зовут Эвелинами (как по мне, странное имя для мужиков), так что их изделия мы тоже называем эвелинами. Эвелины хороши. Это доспехи так называемой третьей манеры: в надевании просты и податливы, чуть не сами на тебе защелкиваются, а весят раза в три меньше, чем мои предыдущие латы. Хоть прыгай в них через скакалку. Как они в смысле прочности — еще предстоит испытать. Но не зря же, наверное, про сильную любовь говорят: «Прочная, как аврихальковый сплав»? И все же главное в эвелинах не это. Главное — в них можно отлить не разоблачаясь. Страшно вспомнить, что было раньше.

Закончив покрывать латами свое тело, повязываю шарф, подарок Джудит. Осматриваю светящийся рунический узор на клинке. Защитные знаки едва тлеют; давно надо было отнести Аргумент заклинателю мечей. Ну да ладно, еще успеется.

Прикрываю неотдохнувшие глаза. Сквозь веки проступает зарево рассвета, его тепло на моем лице. Я и не вспомню, когда у нас был такой солнечный сентябрь.

Тем временем мы сворачиваем с шоссе, и дорога начинает петлять, забирая вверх. Слегка закладывает уши. Я насильственно сглатываю. Слева потянулся скучный одноэтажный городишко, а впереди, на холме, уже видны очертания замка Авеластр.

На вершине Аргуж сбрасывает скорость — это мы приближаемся к крепостному рву. Тут уже полно народу: журналисты, полиция и самая неистовая

публика — поклонницы. Сколько уж девичьих писем я оставил без ответа, а они все не утомляются. Пишут и пишут. Где ж вы, девушки, раньше были? До того, как я стал Молнией Архипелага?

Трясемся по перекидному мосту; Аргуж, завидев кого-то в окнах караульной, высовывается из кабины и машет рукой. Ждем, пока поднимут решетку, въезжаем в ворота.

Приехали. Фургон останавливается на краю мощеного двора. Рядом дежурит неотложка, у господского дома нервно переминаются спасатели и несколько рыцарей из других орденов. Где-то среди них магистр — и встреча с ним тяготит меня едва ли не больше, чем предстоящая схватка.

Но делать нечего. Я спрыгиваю на землю, иду в направлении собравшихся. Попутно пытаюсь оценить состояние дел. Судя по задранным вверх головам, дракон все еще жив, и прямо сейчас бой идет на третьем этаже. Да, я слышу рык зверя. Кажется, он даже не ранен. Вернее, она. Это ведь самка. Надеюсь, наши-то, по крайней мере, все целы.

Что-то я не вижу магистра. Вот бы удалось проскользнуть незамеченным! Но, уже подойдя к дверям, боковым зрением задеваю некую точку напряжения — словно выбоину в идеально гладкой поверхности. Эта точка и есть хорошо знакомый мне взгляд, которого я надеялся до времени избежать.

— Сэр, — придав лицу бойкое выражение, я иду в середину двора, где магистр разбил наблюдательный пункт в тени колодца.

— Рад, что першандельская знаменитость нас почтила-таки своим появлением. Как видишь, не дождались. Начали без тебя.

— Сэр, как я понял, бестия все еще жива и опасна. Смиренно прошу: дозволейте присоединиться к моим братьям.

— Смиренно, говоришь? Смирения-то тебе и не хватает. Ты на скамейке запаса, Леннокс. Давай присаживайся рядом со стариком. Тебя подменил Гаэтанно Кьератэра из ордена Угря, но твоя помощь может еще понадобиться. Что-то у них там не ладится...

Я усаживаюсь на край колодца и заодно со всеми возвожу взор к третьему этажу. Честно говоря, я думал, что подоспею аккурат к раздаче автографов. И что еще за Гаэтанно? С каких пор эти братские отношения с орденом Угря? Рядом топчется Аргуж, охваченный неоднородным румянцем, но к колодцу не подходит — и слава богу! А то еще вздумает топиться со стыда. Магистр небось велел ему за мной присматривать.

Мы вздрагиваем, когда несколько окон со звоном лопаются. Осколки летят вниз, а из опустелых рам вырываются пламенные залпы, и один из них выбрасывает наружу горящее тело в доспехах, еще живое — вопль несчастного отражается от каменных стен. Я в ужасе зажимаю рот. Спасатели натягивают страховку, но мне не видно, как упал рыцарь в огне: его уже со всех сторон обступили парамедики и пожарные. Огонь, по крайней мере, сбили. Понять бы, кто это. Но понятно только одно: теперь мой выход.

— Леннокс, ты хотя бы читал материалы по акции? Устройство замка, разновидность ящера?

— Да, сэр. Это змей святого Флорента: вид *Agama Gigantica*, семейство *Igniferidae*, пятый класс опасности. У малефика сейчас период линьки, а значит, шкура уязвима для наших клинков. У замка тоже есть

уязвимые места, в левом крыле в начале сентября обрушилась кладка...

— Достаточно! Вперед — и будь же снова знаменем рыцарской доблести, каким был когда-то! — Магистр хлопает меня по украшенному гербом наплечнику и сует мне в рот капсулу антифобиума. Редуцирует чувство страха. Состав: какие-то травы (секретная рецептура). Противопоказание: уголовная ответственность за хранение. Мы с парнями быстро выяснили, что вторая капсула редуцирует не только страх, но и здравый смысл, после третьей к тебе приходят распутные девы из потустороннего града Тир-на-ног-э-тх, а после четвертой от тебя отрекается Всевышний. Магистр, старый хиппи.

Из рук Аргужа принимаю шлем и отказываюсь от щита. Взяв по лестнице к дверям, пытаюсь рассмотреть, что там с упавшим телом, но в плотной толчее ничего не разобрать. Захожу внутрь.

Жду, пока привыкнут к полусумраку глаза, а тем временем сплевываю подтаявшую капсулу в ладонь и прячу в потайной кармашек на поясе: трижды экономленный антифобиум пригодится позднее. А что до чувства страха... Нет страха, нет и чести. А еще: бесстрашные выживают на порядок реже. Только вот плохо, что руки-то трясутся немного после увиденного...

Пахнет горелым. Где-то наверху слышу приглушенные крики и грохот. Потом как будто становится тихо.

— «Вереск», «Вереск», я «Куколка», слышишь меня?

Переговорное устройство в шлеме молчит. Электроника часто сбивает в присутствии магии. Надо спешить.

В вестибюле над парадной лестницей установлено чучело дракона. Самец. Судя по размерам и окрасу распахнутых крыльев, ему было не меньше двухсот лет. Каждый гость цитадели неминуемо должен пройти под застывшим взором стеклянных глаз и сталактитами-сталагмитами зубов в открытой пасти, которая некогда могла перекусить стрелу грузоподъемного крана. На Першанделе я узнал, что у драконов есть душа. Если отец Ансальдо прав и после смерти они не попадают на небеса... Значит, они остаются здесь, неуспокоенные, только и ждущие момента, чтобы отомстить за поругание своих останков... Да здесь целый музей! Или, лучше сказать, мавзолей. На стенах среди бледных прямоугольников, оставшихся от снятых гобеленов, висят драконьи головы разных мастей: рогатые, косматые, пятнистые. Особи сравнительно некрупные, но как их здесь много! Сколько хозяин замка заплатил за эти трофеи? И зачем? И слышал ли он про концентрацию остаточной магии? Я взглядываю на арканометр у себя на запястье: превышение нормы в несколько раз. Gigantica наверняка появилась тут не случайно. Странно, что малефики тучами не слетаются на столь сильную эманацию. Вот закончим здесь, и я лично прослежу, чтобы все это сожгли. Надо будет только выбрать ордер.

— «Вереск», «Вереск»... Прием...

Поднимаюсь на второй этаж. Запах гари становится сильнее. А вот и след драконихи... Какая-то гадкая слизь, кровь, опрокинутая люстра. Где все? Я иду в глубь дома.

На самом деле Gigantica не такая уж гигантская... Это чуть ли не самая миниатюрная разновидность.

Особенно в сравнении с Першандельским монстром. Огромной ее можно признать лишь относительно цветастой ящерицы, в честь которой *Agama Gigantica* и получила свое название. И все же это самый настоящий дракон. А значит, нельзя недооценивать ум и смертоносность этого существа.

Слышу стон. Среди опрокинутых коллекционных доспехов не сразу удастся разглядеть лежащего Альбера.

— Ты ранен?

— Царапина.

— Покажи.

— Я же говорю: царапина! Джуд, они в донжоне. Прыткая бестия, всех нас обхитрила.

Я колеблюсь. Царапиной у нас принято называть любое ранение, кроме разве что оторванной конечности. Самый распространенный вид смерти среди рыцарей — это смерть от пары царапин. Да что там: погибших от пары царапин частенько хоронят в закрытых гробах.

— Альбер, я тебя вытащу.

— Нет, ты нужен остальным. Где ты был, черт побери?

— Ну, я... Слушай, а кто из наших выпал из окна?

— Это был новенький. Гаэтано или как его там...

Он жив?

— Я не знаю.

Иду дальше с тяжелым сердцем. Гаэтано из ордена Угря... Если бы я прибыл вовремя, он бы не пострадал. Ладно, с моей совестью разберемся потом.

— Джуд! — окликает меня Альбер. — Я не знаю, что это за тварь. Но только это ни хрена не гигантика! Аналитик ошибся.

Я выхожу на галерею, ведущую в башню. Тут никого. Внутри донжона попадаю в узкий коридор, а оттуда — на винтовую лестницу. Кошмар астматика. Начинаю подниматься, прогнав из себя все мысли, оставив только простейший пучок инстинктов. Вверх и вверх. Ступени скользкие от крови — это вроде драконья: человек, потеряв такое количество, не одолел бы всей лестницы. Из-за нескончаемого круглого поворота открывается нескончаемая каменная стена — начинает казаться, будто остаешься на одном месте, сколько бы шагов уже ни сделал. И сколько еще осталось? Надо поберечь дыхание.

Наконец я слышу крики, стальной лязг и вибрирующий рев, на который способен самый изысканный из хищников.

— Ага! Тварь измотана! — это как будто Лантош; только чему он радуется? Как раз теперь жди от нее самых опасных выпадов.

Я выбегаю на верхнюю площадку, и тотчас меня встречает взгляд чудовища. Чувствую что-то вроде удара в лоб, как бывает, если быстро напиться ледяного молока. Дракон все еще смотрит на меня, когда Байярд обрушивает свой фламберг на его изогнутую шею. Клекот и бульканье. Алая дымящаяся кровь брызжет на серый камень. Рогатая голова со стуком отлетает мне под ноги. Изломанные крылья расплываются и замирают в воздухе, простреленные лучами восхода.

Я спешно отступаю от мертвой головы. Как можно было подумать, что это *Agama Gigantica*? Горизонтальные зрачки, костяная корона, две подвижные челюсти... Первый раз такое вижу..

— Привет, Джуд!

Байярд, тяжело дыша, опускается на колени. Бросив меч, зазвеневший при ударе, стягивает с головы шлем. Коллега весь мокрый от пота.

— Вовремя ты, старина! Без тебя бы точно не справились! Честно говоря, я уже думал, она никогда не сдохнет...

Я даже не успеваю вздрогнуть, когда обезглавленная туша совершает немислимый прыжок, врезается в меня и с мощным хлопком расправляет равные крылья. Бледные лица друзей, зубцы башенного ограждения, бойницы в стене — все это я вижу уже издалека. Изо всех сил стискиваю перерубленную драконью шею, из которой на меня толчками выплескивается горячая густая жижа. Горло сомкнуло, не могу даже крикнуть, вокруг свистит ветер, я крепко зажмуриваюсь. Вот-вот грянет удар о землю или о камень, и после него ничего не будет. Прощай, жизнь. Прощай, Джудит. Так и не сделал я самого главного. Хорошо, что эвелин не даст моему трупу разорваться на куски...

А между прочим, мы все еще в воздухе: я и безголовый дракон — планируем на ошметках его крыльев. Я приоткрываю глаза, но драконья кровь залила прорези шлема. И тут нас размазывает об твердое. Чешуйчатая туша выскальзывает из рук и отлетает дальше. Меня вертит нещадно, бьет дважды по ребрам, а потом все заканчивается. Я лежу лицом вниз и чувствую запах травы. Неужели живой?

Слышу крики, ко мне сбегаются люди, а в глаза через щели забрала — вспышки, вспышки... Пытаюсь подняться.

— Господин Леннокс, это ваш первый дракон после Першандельского монстра, что вы чувствуете?